

БОЛЬШОЙ
РОМАН

Книги

Э.-Э. ШМИТТА

Секта Эгоистов. Распутник
Евангелие от Пилата
Другая судьба
Как я был произведением искусства
Улисс из Багдада
Женщина в зеркале
Попугай с площади Ареццо
Эликсир любви
Яд любви
Оскар и Розовая Дама
Мсье Ибрагим и цветы Корана
Дети Ноя
Борец сумо, который никак не мог потолстеть
Десять детей, которых никогда не было у госпожи Минг
Одетта. Восемь историй о любви
Мечтательница из Остенде
Концерт «Памяти ангела»
Два господина из Брюсселя
Кики ван Бетховен
Театр
Ночь огня
Человек, который видел сквозь лица
Месть через прощение
Миларепа
Феликс и Незримый источник
Мадам Пылинска и тайна Шопена
Дневник утраченной любви

Цикл «Путь через века»
Потерянный рай
Врата небесные

эрик-эмманюэль
ШМИТТ

Врата Небес- ные

путь через века

книга 2

Издательство «Иностранка»
Москва

Пролог

Он бежал.

Сколько уже раз Ноам спасался бегством?

Он бежал во весь дух.

Бегство не предлагает решения, оно намечает методу: ускользать, размышлять, действовать. Ноам покинул логовище сурвивалистов. Три дня, ему оставалось всего три дня... Если в этот срок Ноаму не удастся раскрыть миру их гибельный план, террористы нападут на атомные электростанции, спровоцируют нехватку электроэнергии, падение интернета, всеобщую панику. И среди всего этого беспорядка им достаточно будет осуществить цепь покушений, чтобы окончательно ввергнуть цивилизацию в хаос. Эти радикалисты ненавидят общество, в головах у них одна-единственная идея: ликвидировать его и учредить другое, хозяевами которого станут они.

Он бежал изо всех сил. Ночь навалилась на него всей тяжестью дневной жары. Ни чуточки прохлады. Все окаменело: деревья, умирающие от сухости травы, пронзенное безучастными звездами черное небо, желчная беспокойная луна. Ни дуновения. Ни свиного крика, который оживил бы строевой лес, ни воркования,

ни трепета листвы. Ноам прощупывал взглядом неподвижную картину, но оставался начеку: позади него в любой момент могли возникнуть люди из Ковчега, а они без колебаний убьют его.

Он бежал. Страх придавал ему сил, щекотал лодыжки, увеличивал приток крови к бедрам, заблаговременно предупреждал о препятствиях, камнях, корнях, рытвинах. Если двигаться по краю владения, он скоро достигнет дороги.

Вдруг он услышал хрип и глухие удары: его кто-то преследовал! Задышавшись, он спрятался за сосной. Между двумя чересчур шумными вдохами он различил какое-то шевеление внизу. Ноам прильнул к стволу, перепачкался смолой, обуздал дыхание и внимательнее прислушался к периодически повторяющемуся стуку. Откуда он идет? Ноам сосредоточенно осмотрелся по сторонам, глянул направо, налево — и осознал, что слышит удары собственного сердца, гудение своих бронхов: никто его не преследовал... В ярости от того, что поддался смятению, он отдышался и побежал снова.

Крепостная стена. В этом месте не засечет ни датчик, ни камера.

Он взобрался наверх, переступил через черепки и спрыгнул в придорожную канаву. Прощай, Ковчег.

На дне рюкзака болталась важнейшая вещь: украденный им у фанатиков компьютер, который таил в себе связь между ливанской ячейкой и головной организацией. Когда Мармуд, Шарли и Юго обнаружат пропажу, они придут в ярость. Нельзя тратить ни секунды. Ноам направился в сторону уклона дороги и снова бросился бежать.

Появился автомобиль с откидным верхом. Разносившаяся из него музыка надрывалась сильнее, чем двигатель. Аккомпанирующий тошнотворно сладкоголосому певцу оркестр струнных и медных оживлял мрачный пейзаж и заглушал звук мотора, который, кстати, ревел, как оголодавший лев.

Ноам встал посреди дороги.

Автомобиль на бешеной скорости невозмутимо мчался вперед.

Ноам заколебался.

Машина не замедляла ход и неслась прямо на него.

Ослепленный резким светом выхвативших его из тьмы фар Ноам оставался посреди шоссе, но был готов в последний момент нырнуть в канаву.

Едва ли в метре от него автомобиль внезапно замер. Из салона раздался насмешливый голос:

— Ну, мужик, гениально! Лихо ты! Я в восторге... Но откуда ты знал, что я только что проверил тормоза? Ты что, счет мне прислал?

Заглушив двигатель и выключив радио, из открытой тачки с восхищенным видом выбрался верзила. Над его костлявым горбоносым лицом топорщилась курчавая шевелюра; беспорядочно размахивая руками и дыша перегаром, он подошел к Ноаму.

— Какого черта ты делаешь в этой пустыне, мужик?

— Иду в Бейрут.

— Нет проблем, я тебя отвезу!

Он вернулся к автомобилю, в последний момент схватился за него, чтобы не упасть, затем распахнул дверцу и кивнул назад. Усевшись, Ноам очутился рядом с молодым блондином, вцепившимся в спинку пассажирского сиденья.

— А это Сёрен, он датчанин! — воскликнул водитель. — У нас есть одна ночь, чтобы посетить Ливан. Разрешите представиться: Жозеф.

Мотор взревел, будто вот-вот взорвется, верзила опустил ручник, автомобиль рванул вперед. Жозеф был склонен к шумному проявлению восторгов; чтобы выразить свою радость, ему требовались децибелы: автомобильных клаксонов, радио, собственного голоса. Он неутомимо расхваливал красоту и величие Ливана, сыпал анекдотами, прыскал со смеху, пускался в отступления, терялся в них и снова хохотал.

Пока он разглагольствовал, бледный от ужаса датчанин рассказал Ноаму, что познакомился с Жозефом как-то вечером, во время своего музыкального турне, в котором тот был светотехником. Он вовсе не просил недавнего коллегу стать его гидом. Со скоростью сто пятьдесят километров в час они отмахали расстояние от Баальбека до Тира, по пути оказавшись возле дворца Бейтеддин, предоставленного президенту республики в качестве летней резиденции, куда совершенно пьяный лихач даже попытался проникнуть. Ничто не могло остановить услужливости Жозефа, который подпитывал свое восторженное великодушие, наливаясь пивом. Много раз автомобиль едва не опрокидывался на дно оврага и не врезался в столб, однако бог пьяниц заботился о Жозефе.

— Вот так-то, увы, — вздыхал датчанин, заложник вдохновлявшей ливанца любезности, только и мечтавший о том, чтобы выбраться из этой адской машины.

Пренебрегая опасностью, Ноам прикрыл глаза и попытался выработать план действий. С кем связаться? Он почти ни с кем не знаком, не знает, как функциони-

рует общество, в которое он попал после своей последней, продлившейся многие десятилетия отлучки. На ум ему пришло одно имя: Хасан.

Ноам заметил Хасана в девять часов в квартале Ашрафия, на улице Альфреда Наккаша. Тот передавал охраннику паркинга ключи от своего болида. Едва Хасан переступил порог офиса, Ноам бросился за ним.

Казалось, Хасан совсем не удивился. И тут же упрекнул Ноама в недостаточно дружеском поведении, обвинив его в том, что тот пренебрег их отношениями, снюхавшись в Ковчеге с его кузеном. Ноам возражал, оправдывался, убеждал в своей искренности, уговаривал его пойти пропустить стаканчик вина. Хасан продолжал дуться. Наконец журналист, известный своей страстью к роскоши, выбрал какой-то древний бар с нездоровой атмосферой и позеленевшими от плесени стенами, где они, усевшись на липкие стулья, пили кофе из щербатых чашек.

Ноам рассказал о своих открытиях: Ковчег, который кузен Хасана, честный сурвивалист, замыслил как простое убежище на случай бедствия, дал пристанище группе террористов, входящих во всемирную сеть. Он описал начиненный оружием подвал, привел услышанные им разговоры вокруг компьютера и последнюю беседу с главарем конспираторов. Называть Хасану имя появившегося на экране руководителя было бессмысленно: ввиду того, что время, выделенное людям, иное, нежели незапамятная вечность Дерека, Хасан наверняка никогда прежде с ним не встречался. Ноам упорствовал, множил подробности, убеждал Хасана, что катастрофа неизбежна, если не изоблечить этих командос, нацелившихся на атомные электростанции, плотины

и хранилища интернет-ресурсов. Катаклизм неумолимо приближался.

— Три дня! Ты отдаешь себе отчет? Через три дня ячейка Захарии в Соединенных Штатах нанесет удар.

Теперь журналист представлял себе угрозу, но признался Ноаму в своем бессилии. Его издание, ежемесячный глянцевый журнал «*Harry Few*»*, не обладает ни необходимым профилем, ни стремительностью включения, требующимися для подобного разоблачения.

— Звони в ежедневные газеты! — умолял Ноам.

Хасан был убежден, что серьезный печатный орган не рискнет ухватиться за дело такого масштаба без минимальной проверки, которая потребует как минимум трех дней.

— Выведи меня на этих издателей!

Несмотря на всю серьезность их разговора, Хасан расхохотался. Будучи ливанцем, он с уверенностью знал две характерные черты политиков своей страны: неэффективность и коррумпированность. В данном случае они довольствуются тем, что, продав сенсационную новость американцам или европейцам, обратят ее в звонкую монету.

— Мне плевать, что они этим воспользуются, — возразил ему Ноам. — Главное, чтобы эта новость распространилась. И поскорее.

— Быстро не получится! Если бы наши политики почувствовали необходимость срочных действий, они не позволили бы нации оказаться в столь тяжелом положении.

---

* «*Harry Few*» (англ.) — здесь «Горстка счастливицков», аллюзия на цитату из «Генриха V» Уильяма Шекспира. — *Примеч. перев.*

- А секретные службы?
- Гм...
- Выходит, мы ничего не предпримем, просто будем ждать апокалипсиса?
- Я этого не сказал. Пошли.

Спустя час Хасан и Ноам прибыли к расположенному рядом с портом Бейрута пакгаузу. Стены склада из серого песчаника на металлических опорах заканчивались волнистой жестяной крышей. С внешней стороны ни краски, ни штукатурки, только потеки мочи у основания бетонной стены. Внутри — чудовищная духота и гнетущая тьма. Хасан щелкнул выключателем; прежде чем распространить тусклый свет, неоновые лампы вздрогнули и заискрились. Ноздри раздражал запах тухлятины. Мужчины протиснулись между большими фанерными ящиками. Добравшись до люка, они двинулись по ржавой железной винтовой лестнице и наткнулись на бронированную дверь. Хасан набрал код, раздался сигнал, затем второй (сигнал изменился), третий — и дверь разблокировалась.

Они проникли в помещение, куда свежий воздух поступал через вентиляционные отверстия и перемешивался потолочными вентиляторами. Сидя на выстроившихся длинным рядом высоких табуретах, как на насестах, полтора десятка молодых людей щелкали по клавиатуре перед широкими экранами. Их поведение заинтриговало Ноама: вялые и апатичные, они сосредоточили всю свою подвижность в кончиках пальцев и моргающих веках. Словно моллюски с перегретыми конечностями... Поглощенные своим занятием, эти девушки и юноши не только не взглянули на появившихся визитеров, но даже не заметили их.

— Хакеры, — пояснил Хасан. — Они проникают на любой сайт, официальный или частный; будь то министерство, армия, фармацевтическая промышленность, информационный консорциум или же миллиардер. Оказавшись внутри системы, они просматривают данные, модифицируют их, стирают, блокируют.

— С какой целью?

— Это игра. Вызов. Страсть к хакерству.

— Может, деньги?

— К чему они им? Посмотри, где и как они живут! Крыса из сточной канавы не мечтает о жизни полевой крысы*.

Хасан прошел в дальний конец зала, привел в действие цифровой замок очередной окованной сталью двери, подтолкнул Ноама вперед и бросил:

— Привет, Стэн.

— Угу.

Сидящий перед множеством мониторов тип ответил машинально, не шевельнув губами и не взглянув в их сторону. Он был огромным. Двести кило, не меньше. Ноаму никогда не приходилось видеть такой туши. Над этой грудой жира лицо, хоть и одутловатое, казалось крошечным.

— А это Ноам.

— Угу.

Парень даже не моргнул. Его прикованные к экранам глаза с желтой, как у рептилий, радужкой двигались со скоростью света.

После представлений Хасан принялся нахваливать Ноаму техническое мастерство Стэна, великого инфор-

---

* Аллюзия на басню Жана де Лафонтена «Городская и полевая крысы». — *Примеч. перев.*

матора, разоблачителя скандалов, инициатора многочисленных спасительных кризисов. Он взламывал директории под грифом «секретно», распространял государственные тайны, предоставлял на суд средств массовой информации злостных лжецов. С тех пор как он окопался здесь, его никто не видел; все, кому есть что скрывать, опасаются его. Действует он под ником Серпико*.

— Я тебя проинформирую? — предложил Хасан куску сала.

— Мм, — промычал Стэн.

Что, по всей вероятности, означало «да».

Пока Хасан рассказывал ему о раскрытом Ноамом заговоре, глаза и пальцы Стэна не прерывали своего диалога с компьютерами.

— А он вообще слышит, что ему говорят? — встревожился Ноам.

Закончив свой доклад, Хасан бросил:

— Помоги нам.

— Мм.

— Ты уяснил важность ситуации?

— Мм.

— Это вопрос жизни и смерти. Для всего мира.

И для тебя тоже.

Склонившийся к экранам Стэн проявлял не больше заинтересованности, чем служащий, чье рабочее время закончилось.

---

* Франческо Винсент *Серпико* (р. 1936) — отставной офицер Департамента полиции Нью-Йорка, выступивший с показаниями о коррупции в полиции в 1971 году. Стал знаменит после выхода одноименного фильма «Серпико» (*Serpico*, 1973) Сидни Люмета, где его роль исполнил Аль Пачино. — *Примеч. перев.*

— Сколько? — Он поднял голову, обвел их пристальным взглядом и вяло переспросил: — Сколько?

Хасан возмутился: хакер что, не понял, что это касается каждого?! Если не будет электричества, если вся Сеть будет заблокирована, весь земной шар будет парализован и погибнет, даже он, Стэн, в своей норе.

— Сколько? Я жду.

Чтобы выказать свое доброжелательное терпение, Стэн схватил пачку чипсов, разорвал ее, вытащил горсть и захрустел.

Хасан настаивал, снова и снова подчеркивая всеобщую заинтересованность, неизбежность хаоса.

— Сколько? — прервал его Стэн. — Я оплачиваю команду, помещение, оборудование. Я рискую. Так сколько?

— Стэн, если мы не вмешаемся, через три дня эти деньги тебе уже не понадобятся.

— Сколько?

Ноам догадывался, что, подобно ясновидцам, с которыми он общался на протяжении веков, Стэн перестал четко воспринимать реальность. Живя своими экранами, опьяненный своим господством над алгоритмами, он воображает, что в случае, если мир будет уничтожен, задуманное им новое программное обеспечение создаст другой, лучший. Уверенность в этом избличало его стремление пренебрегать фактами. Не отводя взгляда от мониторов, Стэн объявил:

— Четыре миллиона долларов.

Хасан был ошеломлен. Прежде чем он успел высказать свое возмущение, Ноам отрезал:

— Договорились. Четыре миллиона долларов.

Тяжелые веки Стэна затрепетали от удовольствия. Хасан обернулся к Ноаму:

- Как? У тебя что, есть четыре миллиона?
- Нет, но скоро будут.
- Каким образом?
- Мне потребуется всего две вещи: глина и печь.

Организуешь?

У Хасана, который приютил его в гостевой комнате, Ноам поставил на кровать рюкзак и достал два сокровища: компьютер террористов и свою рукопись. Несмотря на безотлагательность предстоящего дела, он бросил ностальгический взгляд на тетради, которым поверял воспоминания. Сумеет ли он завершить их? Сейчас он полагал эти свидетельства необходимыми, как никогда. Он начал делать записи, поскольку опасался эволюции человечества, желал разъяснить путь, которым шел до сих пор: путь через века. А теперь все ускорилося. Человеческий гений больше не утруждает себя здравым смыслом. Это великолепное дитя, капризное, безрассудное, лишенное морали; его созидательная энергия равна его энергии разрушения. Способный на худшее и на лучшее, деятельный, но не прозорливый, этот ребенок непрестанно заигрывает с тем, что ненавидит: со смертью. То он отталкивает ее, то ею пренебрегает, то возбуждает ее, ни на мгновение не прерывая рокового поединка. Люди только делают вид, будто общаются между собой; в действительности же каждый человек разговаривает только с одним собеседником — со смертью, а та ограничивается сопутствующим ущербом или пользой.

Ноам перелистывал покрытые четким каллиграфическим почерком страницы. Воспоминания не ограничивались его собственным существованием, они представляли собой настоящую человеческую эпопею. Обычно пишут, чтобы продолжить себя; он писал, чтобы не потерять. На самом деле это одно и то же: речь идет о том, чтобы примирить вечность с мимолетностью.

Впрочем, тем утром Ноам сомневался, что сможет поставить последнюю точку. Разрушительные силы вот-вот одержат победу. Несмотря на то, что в ходе истории ему часто приходилось становиться свидетелем подобной тенденции, на сей раз он отметил в ней небывалую особенность: двигаясь вперед от могущества к сверхмогуществу, человечество стало угрожать самому себе.

На каком моменте своего повествования он прервался? На эре неолита, когда жизнь опротивела ему так, что он не убоился бросить вызов власти и был казнен на площади...